

«Эксперт» №1 (735) / 27 дек 2010, 00:00

- [Призрак коммунизма](#)
- [Вокруг идеологии](#)
- [Последняя империя](#)
- [США](#)
- [США](#)
- [Сдерживание и тоталитаризм](#)

Цена холодной победы

Владислав Зубок, Профессор истории Университета Темпла (Филадельфия, США)..

Представив СССР в качестве «абсолютного тоталитарного врага», Соединенные Штаты смогли довести холодную войну до победы. Но отход от реалистичной политики сыграл с триумфаторами злую шутку

Джордж Кеннан нашел слово, ставшее на полвека синонимом американской мировой стратегии. «Сдерживание» предполагало третий путь между «умиротворением» СССР и большой войной

East News

В феврале 1946 года советник-посланник в посольстве США в Москве Джордж Кеннан получил запрос из Вашингтона: объяснить, почему Сталин отошел от риторики сотрудничества с западными союзниками и вернулся к большевистским лозунгам и почему СССР отказался участвовать в международных соглашениях о торговле и финансах, разработанных в Бреттон-Вудсе, штат Нью-Гэмпшир. Эти соглашения стояли тогда в центре внимания в США как инициативы, обещающие более прочный мир без мировых войн.

В ответ Кеннан послал «длинную телеграмму», рекомендуя перейти от сотрудничества с СССР к его сдерживанию. «Длинная телеграмма» характеризовала СССР как имманентно агрессивный режим, а не как великую державу со своими легитимными интересами. Кеннан нашел слово, ставшее на полвека синонимом американской мировой стратегии.

«Сдерживание» предполагало третий путь между «умиротворением» СССР и большой войной.

Кеннан не связывал экспансию СССР с коммунистической идеологией. «В своей основе, — писал он, — невротическое мировоззрение Кремля является традиционным и вытекает из инстинктивного русского ощущения небезопасности». К тому же, утверждал Кеннан, деспотические правители Кремля испытывают постоянную потребность в образе внешней угрозы, а главное, должны осуществлять экспансию. Достаточно поставить пределы внешним амбициям Москвы — и советский режим вынужден будет вариться в собственном соку и будет поглощен глубокими внутренними проблемами. Если США будут осуществлять сдерживание достаточно последовательно и долго (Кеннан предусмотрительно не говорил о сроках), советский режим неминуемо

станет жертвой внутренних противоречий и саморазложения. Без имперской экспансии СССР не имеет смысла. «Нормализация» Советского Союза означает его неминуемый конец.

В Вашингтоне анализ Кеннана встретили как долгожданный ответ на мучительную дилемму. Военный министр (позднее министр обороны) Джеймс Форрестол размножил «длинную телеграмму» в сотнях экземпляров и раздал ее читать коллегам, сотрудникам и друзьям. Неудивительно, что один из экземпляров оказался в руках советской разведки и попал на стол Иосифу Сталину.

Разные подходы

Впрочем, среди американских политиков не было единства в том, как можно осуществлять сдерживание. Главные творцы внешней политики США — Форрестол, Пол Нитце и Дин Ачесон, а позднее генерал Джордж Маршалл — толковали смысл сдерживания каждый на свой лад. Для Форрестола и его протеже Нитце сдерживание означало прежде всего развертывание американской военной мощи в мирное время. Их беспокоило, что Сталин вел себя так, будто американской атомной монополии не существовало. СССР оказывал давление на Иран и Турцию, устанавливал просоветские порядки в странах Восточной и Центральной Европы. Форрестол с 1946 года инициировал разработку оперативных планов атомной бомбардировки советских объектов — на случай вооруженного конфликта с СССР.

Ачесон и Маршалл трактовали сдерживание иначе. Они знали, что СССР обескровлен недавней войной, и считали, что самым эффективным методом будет использование экономической и финансовой мощи США для возрождения либерально-капиталистической Европы. Последняя станет барьером против советской империи.

Поначалу точка зрения Ачесона—Маршалла одержала верх. В июне 1947 года администрация Гарри Трумэна объявила о «плане Маршалла» — технологической и финансовой помощи по экономическому возрождению европейских стран, прежде всего Германии. Но с конца 1949 года, после испытания атомной бомбы в СССР и перехода в коммунистический лагерь Китая, начал брать верх подход Форрестола—Нитце. (Форрестол, правда, был уже не у дел. Летом 1949 года он покончил жизнь самоубийством от душевного расстройства.)

Страх перед коммунистической идеологией и ее проникновением в американское общество почти отсутствовал в сознании и расчетах архитекторов сдерживания. Но вскоре сенатор Джозеф Маккарти и другие демагоги на правом фланге внушили американцам страх перед распространением «коммунистической заразы». Маккартизм обрушился и на архитекторов сдерживания (Ачесон и Маршалл подверглись самым яростным атакам). Горячие головы в США требовали «отбросить коммунизм», использовать силу для выдавливания СССР из Восточной и Центральной Европы. На обложке журнала *Collier's* за 27 октября 1951 года был изображен американский солдат на фоне карты поверженного Советского Союза. Над Москвой развевался флаг Объединенных Наций. Прибалтика и Украина значились как «оккупированные» территории.

В годы маккартистской истерии сдерживание прогнулось, но устояло.

Христианский реализм

Политическая система и традиции США мало подходят для осуществления

долговременной стратегии. В 1946 году многие в США считали, что лучше всего отсидеться в «американской крепости» за атомным зонтиком и за двумя океанами (на эти настроения, похоже, рассчитывал Сталин). С началом холодной войны некоторые американцы полагали, что надо «разбомбить русских» и установить вечный мир. А уже в недавнее время, после распада СССР, можно было наблюдать, как проваливаются одна за другой попытки США сформировать новую мировую доктрину и стратегию. Постоянные разборки республиканцев и демократов друг с другом мешают созданию «двухпартийной» внешней политики.

Однако сдерживание оказалось исключительно живучей доктриной. Американцы закрепились в Западной Европе и начали строить свою империю «свободного мира» на всех континентах. Несмотря на нападки маккартистов и изоляционистов, архитекторы сдерживания смогли сформировать внешнеполитический истеблишмент, представители которого занимали ведущие посты в сменявших друг друга администрациях демократов и республиканцев. Этот истеблишмент вел США через перипетии холодной войны, отсекая экстремизм любого толка.

Важнейшей установкой людей, входивших в этот истеблишмент, был «христианский реализм». Он вытекал из религиозного мировоззрения приехавших в США из Англии протестантов (пуритан, пресвитериан и прочих), считавших, что их «явное предназначение» (manifest destiny) — построить страну на «христианских основаниях». Долгое время протестанты, составлявшие костяк американского общества, были враждебны самой идее активной внешней политики, идее империи. Эта идея связывалась в их представлении с погрязшей в грехе и цинизме «старой» Европой, из которой бежали их предки. Русский большевизм американских протестантов ужасал, но многие из них надеялись с помощью миссионерской деятельности (а также бизнеса и торговли) вернуть «заблудшую паству» в России на «путь истинный».

Но в 1946 году, после двух мировых войн, протестантское мировоззрение в США начало избавляться от наивности и стремления к изоляционизму. Большая роль в этом принадлежит теологу-протестанту немецкого происхождения Рейнгольду Нибуру (1892–1971), по сей день мало известному в России. Нибур нашел выход для американских миссионеров: он предложил «реалистичную» альтернативу и беззубому пацифизму, и близорукому изоляционизму. В 1944 году Нибур писал, что США призваны обустроить весь мир, а не только собственное общество, на «христианских основаниях». По выражению Нибура, американцы являются «детьми света», которые должны противостоять «детям тьмы», которые «паразитируют на наивности их зачастую слабоумных оппонентов».

«Христианский реализм» Нибура перекинул мостик между религиозным мировоззрением протестантской Америки и политической философией «реализма», который уже давно предлагала американцам «греховная Европа», — с ее набором силовых стратегий, баланса сил и технологий построения империй.

Джон Фостер Даллес, сын протестантского священника и внук госсекретаря, сам ставший госсекретарем в администрации Дуайта Эйзенхауэра, превратился в ведущего практика «сдерживания»

East News

Джон Фостер Даллес, сын протестантского священника и внук госсекретаря, сам ставший госсекретарем в администрации Дуайта Эйзенхауэра, превратился в ведущего практика сдерживания. Даллес читал и уважал Нибура, но до многого дошел своим умом и на собственном опыте. В молодости он участвовал в Версальской конференции 1919 года, когда США в первый раз и неудачно пытались переустроить Европу и мир на «христианских началах», на принципах свободной торговли и самоопределения наций. Последующие годы революций, катастроф, агрессии и войн убедили Даллеса, что идеалистические планы должны опираться на силу и стратегический расчет.

Даллес не употреблял слов «американская империя», но по сути действовал в духе строительства такой империи — «свободного мира» под руководством США, противостоящего безбожному и опасно динамичному советскому коллективизму. Если у Нибура была борьба света и тьмы, то у Даллеса «христианский реализм» становился игрой на мировой арене с нулевой суммой. Сужение американской зоны влияния означало автоматическое расширение советской зоны. *Tertium non datur.*

Историк Р. Иммерман отмечает, что Даллес, несмотря на свой миссионерский пафос, зачастую действовал предельно прагматично и шел на компромиссы. Он также не боялся, если надо, использовать грязные силовые приемы, вплоть до свержения негодных США режимов. Вместе с братом Алленом, директором ЦРУ, Джон Фостер формировал политику сдерживания вплоть до своей смерти летом 1959 года. Братья Даллесы без усталости строили военно-политические блоки и военные базы на периферии вокруг СССР, стремясь взять его в кольцо.

Образ врага: тоталитаризм

Коммунизм в интерпретации Кеннана и других архитекторов сдерживания считался временной «болезнью» европейской цивилизации, которая, как и всякая болезнь, отступит, когда организм Европы и всего «свободного мира» окрепнет. Но маккартизм показал, что метафора «болезни» опасна.

Так, Маккарти утверждал, что госаппарат США поражен, инфицирован скрытыми коммунистическими агентами. Тезис же Кеннана о СССР как реинкарнации российского империализма был недостаточно убойным. Для осуществления сдерживания внешнеполитическому истеблишменту требовался образ врага нового типа — образ абсолютно враждебного Другого.

Такой образ помогли создать дискуссии о тоталитаризме.

Слово «тоталитаризм», как известно, употреблялось с 1922 года Бенито Муссолини и теоретиками итальянского фашизма в качестве альтернативы прогнившим и «плутократическим» либеральным демократиям. В 1930-е годы этот термин стал использоваться (в частности, одним из отцов европейского «реализма» Эдвардом Карром) в отношении гитлеровской Германии и СССР — но еще с оттенком почтения, как синоним динамичного национализма, конструктивного и волевого начала.

После поражения Третьего рейха и начала холодной войны «тоталитаризм» стал использоваться в американском политическом языке как антипод «свободного мира». Идеологическую заостренность этому термину придали публикации американских левых интеллектуалов-антикоммунистов, в том числе

бывших троцкистов. Они считали СССР тоталитарным, поскольку сталинская бюрократия «предала революцию», а террор уничтожил революционеров. Американские либералы, которые после 1946 года стали массово переходить на антисоветские позиции, начали обличать тоталитаризм, чтобы спасти наследие «Нового курса» Франклина Рузвельта от нападков справа. В странах Западной Европы многие социалисты и бывшие коммунисты пошли на союз с либералами и даже с католическими кругами во имя борьбы с коммунистическим тоталитаризмом.

Американский историк Д. Энгерман пишет, что период между 1947-м и 1952 годами был по любым меркам апофеозом употребления термина «тоталитаризм». Трумэн в марте 1947-го сформулировал свою знаменитую доктрину следующим образом: «Тоталитарные режимы, навязанные свободолюбивым народам методами прямой и косвенной агрессии, подрывают основы международного мира, а следовательно, и безопасность Соединенных Штатов». С этого момента «сдерживание» и «тоталитаризм» стали неразделимой парой в американском лексиконе холодной войны.

Однако с концептуальным наполнением термина вышла неувязка. Первую серьезную концепцию предложила Ханна Арендт. Ученица основателей Франкфуртской школы философов Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса, происходившая из еврейской семьи, Арендт была вынуждена эмигрировать из нацистской Германии в США. В 1951 году она опубликовала книгу «Истоки тоталитаризма», ставшую настольной для американских интеллектуалов.

Арендт видела причины тоталитаризма в кризисе европейского просвещения и либерализма, в размывании иерархических структур, во вторжении масс в политику. О СССР она знала понаслышке. Почти все «родовые признаки» тоталитаризма она вывела из опыта нацистской Германии, где она некогда жила. Арендт видела в гитлеровском тоталитаризме прежде всего реакцию немецкой мелкой и средней буржуазии на время войн и кризисных потрясений. В современном бюрократизированном обществе Запада, писала она, люди «атомизированы», их традиционные связи разорваны. В результате толпы мелких буржуа пошли за фюрером-мессией и его партией.

На Арендт произвела большое впечатление кампания по борьбе с космополитизмом в СССР. Она пришла к выводу, что антисемитизм роднит нацизм и сталинизм.

И все же тоталитаризм в толковании Арендт мало подходил для характеристики СССР. Политолог Карл Фридрих, эмигрант из Германии и профессор Гарварда, взялся исправить этот недочет. Он сформулировал пять «родовых черт» тоталитаризма, которые якобы объединяли нацистскую Германию и СССР: наличие официальной идеологии; наличие одной партии, спаянной железной дисциплиной и слепой верой ее членов; монополия партии на государственные средства массовой информации и на инструменты насилия; система террористического полицейского контроля.

В 1956 году Фридрих и еще один профессор Гарварда, выходец из Польши Збигнев Бжезинский, написали книгу «Тоталитарная диктатура и автократия», где добавили шестую «родовую черту» — монополичный контроль над экономикой. Авторы заимствовали у Арендт важный тезис: если государство и общество становятся тоталитарными, их невозможно реформировать, поскольку они существуют лишь за счет насилия и террора. Из этой концепции проистекал вывод о характере советской угрозы — она существует, пока существует СССР.

Эта концепция абсолютизировала черты системы, которую выстроил Сталин, а также игнорировала многие факты советской истории и разительные перемены в СССР, где полным ходом шел демонтаж террора и ГУЛАГа, начались реформы в обществе и экономике. Кеннан и другие знатоки России выступили против концепции тоталитаризма (хотя он использовал само слово), как не подходящей для характеристики СССР ни в прошлом, ни в настоящем. Подавляющее большинство американских политологов, историков и советологов с 1956 года по конец 1960-х перестало использовать даже само слово «тоталитаризм». Бжезинский под воздействием аргументов коллег выбросил термин «тоталитаризм» из своих сочинений. Но это слово было уже намертво припаяно американскими СМИ к Советскому Союзу.

Даже Збигнев Бжезинский под воздействием аргументов коллег выбросил термин «тоталитаризм» из своих сочинений

East News

Уравнение СССР = тоталитаризм оказалось весьма живучим и очень важным для эволюции доктрины сдерживания.

В США возникала новая сила, представленная военными и разведывательными структурами, мощными корпорациями — производителями вооружений, сетью научных лабораторий и военных баз. Эта сила требовала гигантских бюджетных средств и создавала миллионы рабочих мест — ее интересы представляли многие политики, аналитики, газетчики, конгрессмены и сенаторы. В 1961 году, уходя из Белого дома, Эйзенхауэр назвал эту коалицию военно-промышленно-научным комплексом. Концепция тоталитаризма оправдывала существование этой силы, огромные расходы на ее содержание. Кроме того, такая концепция оправдывала неразборчивость в средствах на международной арене. В борьбе с тотальным врагом все средства хороши.

СССР же при Брежневке стремительно превращался в авторитарно-бюрократическую империю, в «большой собес» с дорогостоящими социальными программами, связанный гигантскими государственными субсидиями и умирающей ленинской идеологией. Но именно в 1970-е годы многие диссиденты в СССР (правда, далеко не все) стали применять в отношении брежневского режима концепцию тоталитаризма, причем зачастую в устаревшей интерпретации Фридриха—Бжезинского. По мнению этих диссидентов, СССР оставался тоталитарным, покуда существовал КГБ и не соблюдались права человека. Их не смущало, что в целом ряде стран, от Гватемалы до Чили, США свержали «марксистские» режимы или поощряли политические убийства и насилие.

Возник альянс между инакомыслящими «борцами с тоталитаризмом» и западными СМИ. Он был поддержан мощными силами в Республиканской и Демократической партиях, не заинтересованными в разрядке с Советским Союзом. В свою очередь влиятельные круги, поддержавшие в 1980 году на выборах Рональда Рейгана, взяли на вооружение уравнение СССР = тоталитаризм, использовав его для обоснования своего «крестового похода» против «империи зла».

Политэкономия сдерживания

В 1944–1945 годах американские и британские экономисты и политики создали Бреттон-Вудскую систему — всемирные институты финансово-валютного обращения и безтарифной торговли. Доллар США и американские товары в этой системе доминировали. СССР отказался участвовать в бреттон-вудских институтах, таких как Всемирный банк и МФВ, чтобы ни в чем не зависеть от США и западного капитала. В итоге эта система стала политэкономическим ресурсом сдерживания.

Она существовала до конца 1960-х и успешно связала в едином пространстве рынки и капиталы США, Западной Европы, Японии и других капиталистических экономик. Тем самым были заложены основы современной глобализации.

Но в первые годы сдерживания никто не мог предвидеть такого успеха. Несмотря на все свое богатство и экономическую мощь, США боялись увеличивать военные и другие расходы. Многие в протестантском истеблишменте опасались, что слишком высокие государственные расходы на холодную войну приведут к дефициту бюджета, к инфляции, а в итоге — к расстройству финансов или к резкому повышению налогов. Сказывался страх перед очередной Великой депрессией.

«План Маршалла» (12 млрд долларов) стал первым дорогостоящим мероприятием по осуществлению сдерживания. С началом Корейской войны администрация Трумэна и Конгресс выделили огромные средства на армию и вооружение, а также на помощь антисоветским силам, пропаганду «западных ценностей» и другие компоненты сдерживания. Администрация Трумэна усвоила идеи британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса, одного из главных архитекторов Бреттон-Вудской системы. «Неокейнсианцы» в администрации отвергли страхи бюджетного дефицита и не боялись, что большие расходы приведут к высоким налогам. Напротив, доказывали они, каждый потраченный государством доллар будет генерировать новые технологии и большее потребление. В конечном итоге на выходе будет не дефицит, а профицит бюджета.

В Республиканской партии долгое время с подозрением относились к выкладкам «неокейнсианцев». Еще была жива традиционная протестантская этика — надо жить по средствам, расходы не должны превышать доходы, лучше сокращать налоги, чтобы стимулировать бизнес. Президент Эйзенхауэр и госсекретарь Даллес скрупулезно придерживались принципа сбалансированного бюджета. В результате, несмотря на продолжавшийся в 1950-е годы рост американской экономической и финансовой мощи, администрация Эйзенхауэра после окончания Корейской войны значительно сократила военные расходы и численность армии. Вместо обычных войск и вооружений Эйзенхауэр и Даллес сделали ставку на стратегические и тактические ядерные силы, которые, как считалось, будут «дешевле».

Отказ от экономии

К началу 1960-х, однако, выяснилось, что подобная «экономия» завела сдерживание в тупик. СССР при Никите Хрущеве испытал термоядерное оружие, создал ракетные силы стратегического назначения, стремительно расширял зону своего влияния в странах Азии и в Африке, бывших европейских колониях. Выстроенные Даллесом проамериканские блоки распадались, а Москва заключила союз с радикальными арабскими режимами в Ираке, Сирии и Египте.

Под угрозой оказалась прежде всего военная составляющая сдерживания. США

было нечего противопоставить советскому «мирному наступлению», кроме даллесовского ядерного «устрашения». Но несмотря на многократное превосходство США в ядерных средствах, баланс страха перед ядерной войной был явно не в их пользу. Говоря проще, страх ядерной войны распространялся в американском обществе быстрее, чем в подконтрольном советском. Чтобы удержать свои имперские позиции, США нужно было резко повысить расходы на сдерживание, как военные, так и не военные.

Демократические администрации Джона Кеннеди и Линдона Джонсона в 1960-е годы покончили с бюджетной экономией. Им на помощь опять пришло «неокейнсианство». На этот раз Вашингтон резко поднял расходы и на «пушки» и на «масло» — и то и другое активизировало массовое потребление и стало стимулом экономического бума. Другим стимулом стал рост оборота международной торговли в рамках Бреттон-Вудской системы.

Кеннеди повезло: конфронтация во время кубинского ракетного кризиса в 1962 году заставила Хрущева отступить. Казалось, финансовые и моральные основы сдерживания прочны как никогда. Но всего пять-шесть лет спустя США проиграли войну во Вьетнаме и оказались не в состоянии быть единственным финансовым гарантом Бреттон-Вудской системы. Обострились противоречия США с Западной Европой и с Японией. А в 1974 году из-за действий арабских стран Персидского залива, американских союзников, многократно взлетели цены на нефть.

Многим в США стало казаться, что сдерживание стало нерентабельным делом. Демократы в Конгрессе требовали вывода американских войск из Западной Европы, закрытия баз, сокращения помощи антисоветским режимам по всему миру. Под ударом оказалось ЦРУ. Был отменен закон о призыве в армию в мирное время. Внешнеполитический истеблишмент, проводник сдерживания, распался. Политические партии переживали идеологический раскол.

Кризисная обстановка побудила республиканскую администрацию Ричарда Никсона и его помощника Генри Киссинджера пойти на соглашения с СССР. Казалось, сдерживанию пришел конец. Но военно-промышленно-научный комплекс сохранился. Во второй половине 1970-х США создали новую, профессиональную армию. Полным ходом продолжались научно-конструкторские разработки нового поколения «умного» оружия, которые в следующем десятилетии вернут Америке роль первой военной державы мира.

Самое главное, США удалось преодолеть экономические и финансовые проблемы, восстановить и расширить политэкономический ресурс сдерживания. В 1970-е годы доллар оставался основной мировой валютой, и это обстоятельство, по словам социолога Джованни Арриги, «позволило Соединенным Штатам привлекать ресурсы всего остального мира практически без ограничений, просто печатая новые банкноты». В октябре 1979 года высокая инфляция заставила главу Федеральной резервной системы Пола Уолкера прекратить печатать доллары и резко повысить процентную ставку. Эффект этой монетаристской меры превзошел все ожидания — в США хлынули капиталы из Европы, Японии и Арабских Эмиратов, где процент был меньше.

Наконец, в начале 1980-х республиканская администрация Рональда Рейгана, порвав с традиционной протестантской бережливостью, осуществила неолиберальную «революцию», дерегулировав экономическую и финансовую сферы.

Эта «революция» опиралась на монетаристские рецепты чикагского экономиста Милтона Фридмана и его школы. Администрация Рейгана изображала свою

политику как радикальный отказ от «неокейнсианства» и возвращение к американским политэкономическим традициям. На деле произошло прямо противоположное. Рейган немного сократил социальные расходы, зато в несколько раз увеличил военные. Огромное количество ликвидного капитала в США позволило администрации без видимых усилий утроить расходы на сдерживание по всему миру. По выражению Арриги, это было «социально регрессивное кейнсианство». Западная капиталистическая система обрела второе (третье?) дыхание, а СССР казался безнадежно отставшим. Рейгановские республиканцы публично обещали отправить СССР «на свалку истории».

Предварительные уроки

Сегодня очевидно, что для Соединенных Штатов не прошло даром использование финансовых ресурсов всего мира, особенно дерегулирование собственных финансов. США начали быстро превращаться в крупнейшего мирового должника, а нерегулируемый финансовый бум четверть века спустя обернулся нынешним глобальным кризисом. Но кто мог это предвидеть в тот момент?

В 1980-е годы советские военные и экономисты были поражены. Гигантские американские расходы на холодную войну вывели экономику США из стагнации, стимулировали экономический рост, финансировали быстрое развитие компьютерных и других технологий.

Этот успех рейганомии оказался роковым для СССР, чьи возможности были уже на пределе. Советские нефтяные доходы поглощались внутренними дотациями, поддержкой многочисленных клиентов и союзников за рубежом и дорогостоящими программами советского военно-промышленного комплекса. Михаил Горбачев вступил на путь реформ и изо всех сил стремился договориться с Западом о прекращении сдерживания и интеграции советской империи в глобализующую рыночную систему. На Политбюро в 1986 году генсек говорил: «Наша цель — сорвать следующий этап гонки вооружений. Если мы этого не сделаем... мы будем втянуты в непосильную гонку, и мы ее проиграем, ибо мы на пределе возможностей. Тем более что можно ожидать, что очень скоро могут подключиться к американскому потенциалу Япония, ФРГ». Горбачевские реформы, как известно, привели к утрате политического контроля, разрушению финансов и в конечном счете к распаду СССР.

В 1989–1991 годах США праздновали неожиданную бескровную победу. Многие не могли удержаться от эйфории. СМИ восславляли мудрость доктрины сдерживания и ее стратегов, прежде всего Рейгана и Джорджа Буша-старшего. В этом хоре тонули редкие голоса критиков, которые полагали, что крах СССР наступил вследствие внутренних причин, длительных политических процессов и уникального стечения обстоятельств.

Самоослепление было велико: американские политики и аналитики не желали видеть, что долгосрочная плата за победу в холодной войне неудержимо возрастает. В годы администрации Билла Клинтона дефицит и долг США начали было снижаться, но администрация Джорджа Буша-младшего ввергла страну в колоссальную задолженность. Капитал, скопившийся в США в 1980-е и 1990-е годы, начал перетекать в другие места. Дерегулирование и глобализация обернулись неожиданными, далеко не всегда благоприятными для США последствиями.

Одним из них стал стремительный подъем Китая, который в 1979 году был включен стараниями США во всемирную финансово-торговую систему

капитализма — наследницу Бреттон-Вудской системы. За последние двадцать лет США потеряли катастрофически большую часть своей прежней производственной базы — поскольку производства вслед за капиталами устремились в Китай, Индию и другие страны с дешевой образованной рабочей силой.

Для США возникла угроза стать жертвой собственного успеха. У Вашингтона уже не было тех рычагов, которыми регулировался «свободный мир» в годы сдерживания. В 1990-е американская внешняя политика и военная мощь оказались без стратегической цели, без руля и ветрил. Сдерживать было некого. Тоталитарный Другой исчез. Несмотря на риторику «мирового порядка» по американским рецептам, демократы и республиканцы так и не смогли разработать новой общей доктрины и стратегии.

По словам бывшего аналитика разведывательного сообщества Т. Фингара, США последние двадцать лет действуют без большой стратегической задачи, в значительной мере инерционно. Вашингтон сделал ставку на сохранение и расширение «хороших» институтов, таких как НАТО, Всемирный банк, МФВ и ВТО, которые, по расхожему мнению, обеспечили в прошлом успех сдерживания.

Но, похоже, после 2008 года эти институты и сама инерция прежней стратегии исчерпали себя. Ущерб, нанесенный авторитету и возможностям США политикой администрации Буша-младшего (2001–2008) не нуждается в комментариях. Двадцатилетний юбилей «победы» сдерживания прошел без помпы и славословий в адрес американских «триумфаторов».

Основные компоненты, некогда определившие успех сдерживания, утеряны. Речь идет не только об утрате Соединенными Штатами абсолютного экономического и финансового превосходства. Утеряна сама способность США проводить «большую стратегию». Сдерживание, похоже, оказалось исключением, а не правилом в истории американской внешней политики.

«Христианский реализм» в США давно сменился «христианским фундаментализмом», где действуют массовые эмоции и ожидания «второго пришествия», подогреваемые телепроповедниками и миссионерами нового толка. Эти и подобные им настроения не могут стать основанием для взвешенной внешней политики. Напротив, они толкают США к непродуманным поступкам — как, в частности, ярко показало недавнее президентство Буша-младшего.

Наконец, замена тоталитаризма на «исламистский фундаментализм» или даже «исламофашизм» не работает, поскольку вместо врага-государства этот термин предполагает неуловимое, проникающее повсюду движение.

США еще долго будут оставаться мировой державой, не имеющей себе равных. Но сдерживание, по всей видимости, войдет в историю США как главный символ безвозвратно ушедшего американского «золотого века» — наряду с долларовым стандартом, длиннокрылыми «кадиллаками» и незамутненной ясностью американского «предначертания».